

В мире людей повсюду сияло солнце, а в Преисподней по-прежнему царил вечный мрак.

То ли из-за недавнего перенапряжения, то ли из-за тусклого, давящего полумрака Преисподней, но когда Юй Цин повернул голову, лицо Му Юаньчжи показалось ему пугающе бледным.

— Ты... — Юй Цин прикусил губу, колеблясь. — В порядке?

Му Юаньчжи выглядел так, словно готов был испустить дух в любую секунду.

— В норме, — тот слегка потёр виски. Он чувствовал усталость, но не физическую. Скорее, это было крайнее душевное истощение.

Юй Цин отродясь никого не утешал, поэтому теперь не находил слов. В воздухе повисла неловкая тишина. Пройдя за спутником пару шагов, юноша сухо выдавил:

— Ты помнишь этого доктора Му?

Он по-прежнему подозревал, что Му Юаньчжи как-то связан с этим загадочным лекарем.

Му Юаньчжи слегка повернул голову, очертив в полумраке безупречную линию подбородка:

— А должен? Я его не знаю.

Юй Цин пару минут пристально всматривался в его лицо, после чего отвернулся:

— Но вы же на одно лицо. Да и... форму, которую ты сегодня использовал. Обычному человеку такое не под силу.

Это была тайная техника клана Небесных наставников. Из тех, секрет которых уносили в могилу, даже если род оказывался на грани вымирания.

— Просто когда-то читал об этом в книгах, — равнодушно отозвался Му Юаньчжи. — Излишне богатое воображение — это тоже своего рода недуг.

Юй Цин сразу понял, что это шпилька в его адрес. Фыркнув, он прибавил шаг и обогнал Му Юаньчжи, мимоходом ощутимо толкнув его плечом.

Мелочно, конечно, но очень в его духе.

Му Юаньчжи лишь повёл бровью, потёр ушибленное плечо и с тихим вздохом покачал головой.

— Прожил несколько тысяч лет, а ума как у ребёнка, — пробормотал он.

К счастью для Юй Цина, он был слишком силён и невероятно ленив, иначе интриганы давно бы прибрали его к рукам.

К тому времени, как Юй Цин выпустил Гу Сяояня из мешочка, мальчик уже пришёл в себя.

— Где я? — Гу Сяоянь растерянно огляделся. Его память обрывалась на моменте самоубийства.
— Это... Преисподняя?

Юй Цин кивнул и принялся со знанием дела разяснять порядок действий:

— До того как ты перейдёшь Мост Беспомощности, остался ровно час. Можешь пока полюбоваться местными видами.

Гу Сяоянь окинул взглядом тусклое зелёное свечение, разливающееся вокруг, и искренне недоумевал, какое отношение эта жуть имеет к «видам».

— Ну и, конечно, если хочешь взглянуть напоследок на тех, кого оставил в мире живых, я могу устроить.

В конце концов, мертвецам всегда труднее всего отпустить земные привязанности.

— Я... — Гу Сяоянь запнулся, подбирая слова. Помолчав, он тихо произнёс: — Я бы хотел... увидеть родителей.

В его душе по-прежнему крылась глубокая обида. Он ненавидел деспотичную, удушающую опеку матери и презирал отца за его вечное малодушие и безучастность. Но теперь, когда всё кончено, бывшая боль казалась далёкой.

Со смертью все земные счета закрываются сами собой.

— Точно уверен? — Юй Цин носком сапога лениво качнул стебель цветка берега упокоения у своих ног. Вид у него был на редкость беспечный. — Советую заранее приготовиться к увиденному.

Решив, что проводник намекает на безутешное горе родителей, Гу Сяоянь грустно улыбнулся:

— Всё в порядке. Я справлюсь.

Если бы не лавина навалившихся разом бед, слолившая его волю, он бы никогда не решился на этот шаг.

Юй Цин лишь молча смерил его долгим взглядом.

Юноша взмахнул рукой перед водным зеркалом. Гладкая поверхность, до этого отражавшая лишь их лица, пошла мелкой рябью, а когда успокоилась, на ней проступил силуэт Гу Тана.

Люди не верят в потустороннее, да и законы Преисподней строги: все сверхъестественные воспоминания стираются без следа. Для Гу Тана трагедия выглядела просто: сын покончил с собой, а жена, не выдержав горя, ушла вслед за ним.

На водной глади отражался только отец.

Окна их квартиры выходили на солнечную сторону, и в ясные дни комнаты всегда заливал свет. Но сейчас там царил мрачный полумрак.

Гу Сяоянь всмотрелся в отражение и нахмурился, заметив у ног отца целую батарею пустых бутылок:

— Зачем так много пить?.. А где мама? Почему она его не остановит?

От такого количества пустых бутылок рябило в глазах — ещё немного, и он просто заgnётся от алкогольного отравления.

— Все ушли... — пробормотал Гу Тан, сползая по обивке дивана прямо на пол. Обнимая бутылку, он горько, пьяно усмехнулся сквозь закрытые веки: — Все меня бросили. Совсем один.

Опора его жизни рухнула в одночасье, и разум отказывался мириться с этой пустотой.

Гу Сяоянь застыл. Медленно повернувшись к Юй Циню, он растерянно спросил:

— Что значит... «все ушли»?

Если он умер, то где же его мать?

— Ты действительно хочешь это знать? — как раз в этот момент к ним подошёл Му Юаньчжи.

Юй Цин мгновенно сориентировался и, легонько подтолкнув Му Юаньчжи вперёд, перевёл на него стрелки:

— Вот у него и спроси.

Объяснять подобные вещи — сплошная головная боль. А если этот малец ещё и разревётся, хлопот не оберёшься.

Представив эту сцену, Юй Цин прыснул в кулак, мысленно похвалив себя за сообразительность.

Му Юаньчжи, вовсе не желавший выступать в роли громоотвода, попытался было сделать шаг назад, но Гу Сяоянь уже крепко вцепился в полу его пальто.

— Моя мама... Что с ней произошло? — липкий страх зашевелился в груди мальчика, но он отчаянно гнал от себя страшную догадку.

Му Юаньчжи опустил на него холодный взгляд и повторил вопрос Юй Цина:

— Ты уверен, что готов услышать правду?

— Да, — прошептал Гу Сяоянь. Тревога внутри него разрасталась лавиной.

Му Юаньчжи негромко вздохнул:

— Когда ты свёл счёты с жизнью, твоя душа от избытка энергии смерти обратилась свирепым призраком. Чтобы вернуть тебе разум, твоя мать отдала свою жизнь в обмен на твою. Она тоже мертва.

Он сознательно умолчал о технике поглощения душ — всё равно ребёнок ничего бы не понял.

— Жизнь за жизнь? — пальцы мальчика разжались, он покачнулся и сделал шаг назад. — О чём ты... какая ещё жизнь за жизнь?

Его мать? Пожертвовала собой ради него? Это казалось чудовищной, нелепой ложью.

Му Юаньчжи прекрасно понимал его реакцию. Гу Сяоянь не помнил своего посмертного безумия, ведь он уходил за грань с сердцем, переполненным ядовитой обидой.

— Наверное, ты всё ещё держишь на неё обиду, — ровным тоном произнёс Му Юаньчжи. — Но в том, что всё закончилось именно так, её вины лишь половина.

Мальчика так и подбросило. Он уставился на собеседника широко раскрытыми глазами, задыхаясь от возмущения:

— Не её вина?! А чья тогда?! Моя? Потому что я оказался слишком слабым и нежным?!

Но ведь он изо всех сил старался заслужить её одобрение!

— Что бы я ни делал, ей всё было мало, она вечно придиралась! — Гу Сяоянь шмыгнул носом.
— Я живой человек, понимаете? Не робот!

У меня есть свои мечты, своя жизнь, которую я хотел прожить! Я просто хотел идти своей дорогой, разве это преступление?

— Неужели только потому, что она дала мне жизнь, я обязан был во всём ей подчиняться?! — он яростно потёр кулаком глаза, загоняя подступающие слёзы обратно.

Му Юаньчжи оставался бесстрастным. Он смотрел на него спокойно, без упрёка, словно на расплакавшегося от обиды ребёнка:

— Я не виню тебя. Человек — существо разумное. Твоя жизнь принадлежит только тебе, и тебе решать, как ею распоряжаться. Но настоящий виновник вашей трагедии — доктор Му.

Гу Сяоянь опешил:

— Доктор Му?

— Лекарства, которые он тебе выписывал, содержали скрытую отраву, — объяснил Му Юаньчжи. — Твоя мать тоже давно была под его влиянием. Вот только... его истинной целью с самого начала был именно ты.

Она служила лишь послушным орудием, катализатором, который должен был разжечь в тебе удушающую энергию обиды.

— Но я ведь никогда раньше не видел этого доктора, — растерянно пробормотал мальчик.

Спустя мгновение он нахмурился:

— Нет... Постойте. Мы встречались раньше.

Забытые образы замелькали перед мысленным взором, и Гу Сяоянь стал мертвенно-бледным. По телу пробежал запоздалый озноб:

— Он... он часто угощал меня конфетами.

Тогда этот человек раздавал сладости всей детворе во дворе. Но со временем они сблизились, и Гу Сяояню доставалось гораздо больше, чем остальным.

Посочувствовав незавидной доле мальчишки, Му Юаньчжи слегка приобнял его за плечо:

— Как бы то ни было, твоя мать действительно любила тебя.

Пусть даже под влиянием темной энергии её любовь превратилась в жестокую, удушающую манию — в самый последний миг она без колебаний пожертвовала собой ради твоего спасения.

Хотя отрицать глупо: эта любовь нанесла тебе глубокие раны.

Словно вспомнив важную деталь, Му Юаньчжи добавил:

— Она просила передать тебе кое-что. Сказала, что была не права и совершила непоправимое. И очень надеется, что в следующей жизни тебе достанется любящая и понимающая мать.

Гу Сяоянь, до этого молча глотавший обиду, на этих словах окончательно сломался. Из его глаз хлынули слёзы.

Юй Цин поспешно отступил на пару шагов, в очередной раз мысленно похвалив себя за проницательность. Ну надо же, и впрямь разрыдался.

— Довёл-таки ребёнка, — с деланным укором хмыкнул Юй Цин, с интересом наблюдая за драмой. — Взрослый ведь человек, а обижаешь маленьких.

Му Юаньчжи лишь фыркнул, проигнорировав выпад Короля призраков, и продолжил, обращаясь к плачущему мальчику:

— Чтобы вытащить тебя из бездны безумия, она впитала всю энергию обиды в себя. Её душа уцелела, но была разорвана. Сейчас от неё осталось лишь две души и три духа. С неполной душой Мост Беспомощности не перейти, да и путь к перерождению для неё закрыт.

Юй Цин нахмурился и, незаметно ущипнув Му Юаньчжи за поясницу, негромко процедил:

— И зачем ты ему это вывалил?

В его душе тоже шевельнулось дурное предчувствие.

Не обращая внимания на недовольство Юй Цина, Му Юаньчжи достал из кармана крошечный флакон, в котором теплились угасающие частицы души матери Гу, и протянул его мальчику:

— Никто не знает, удастся ли исцелить её душу. Но на сей раз выбор за тобой. Ты можешь сразу уйти на перерождение, а можешь остаться здесь и попытаться её спасти.

Гу Сяоянь шмыгнул носом и вытер заплаканное лицо рукавом. Его голос дрожал:

— Я... я не знаю, смогу ли когда-нибудь простить её.

Он ведь мёртв. И даже если он переродится, то уже никогда не будет прежним Гу Сяоянем.

Но, возможно, именно смерть стирает былую горечь, делая старые обиды ничтожными.

Время неумолимо шло. Отпущенный на прощание час истекал, и до закрытия пути за Мост Беспомощности оставались считанные мгновения.

Юй Цин уже собирался поторопить его, но не успел произнести ни слова: Гу Сяоянь резко вскинул голову и твёрдо посмотрел на Му Юаньчжи.

— Я хочу остаться, — тихо, но решительно произнёс мальчик.

<http://bllate.org/book/20077/2040420>